

УДК 340.12

DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.1.43-62

Универсализм прав человека: миф или реальность?

М.В. Кича*

** Ростовский филиал, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Ростов, Россия
kichamv@mail.ru*

Введение. Теория прав человека является одной из ключевых концепций общей теории права, охватывающей как юридическую теорию, так и юридическую практику. Несмотря на основополагающий и универсальный характер, процесс утверждения теории прав человека как философской, юридической и политико-правовой концепции оказался трудным, а его результаты – неоднозначными. В настоящее время большинству государств удалось сбалансировать в своих законодательствах юснатурализм и позитивизм. Этого удалось добиться путем провозглашения и декларирования фундаментальных прав человека, а также их обеспечения конкретными механизмами реализации. Однако, невзирая на богатый опыт, накопленный государствами в данной сфере, теория прав человека содержит ряд диалектических противоречий и дискуссионных вопросов, которые только усложняются под воздействием объективных социальных, экономических, исторических и культурных факторов.

Теоретические основы. Методы. В настоящем исследовании применены диалектический, формально-юридический, социологический, статистический и герменевтический методы. Названные методы использованы во взаимодействии с целью получения синергетического эффекта.

Результаты исследования. В результате комплексного анализа современной теории прав человека выявлены главные проблемы данной концепции применительно к современности, а также предложены реальные юридические способы их решения.

Обсуждение и заключение. Данная статья, в отличие от иных статей, родственных по тематике и целевому назначению, предлагает комплексный анализ теории прав человека в ее современном виде. Автор учитывает тесную взаимосвязь доктрины прав человека с историческим наследием, региональными особенностями и объективными факторами правовой реальности.

Ключевые слова: права человека, концепция, юридическая теория, политико-правовая практика, дискриминация, насилие, нормативный правовой акт, законодательство

Для цитирования: Кича М.В. Универсализм прав человека: миф или реальность? // Правосудие. 2019. Т. 1, № 1. С. 43–62. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.1.43-62

Universalism of Human Rights: Myth or Reality?

Maria V. Kicha*

** Rostov Branch, Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia*

For correspondens: kichamv@mail.ru

Introduction. The theory of human rights is one of the key concepts of the general theory of law, encompassing both legal theory and legal practice. Despite its fundamental and universal character, the process of establishing the theory of human rights as a philosophical, legal, and political-legal concept has proven to be difficult, and its results are ambiguous. At present, most states have succeeded in balancing in their legislations naturalization and positivism. This was achieved through the proclamation and declaration of fundamental human rights, as well as their provision of specific implementation mechanisms. However, despite the rich experience accumulated by states in this field, the theory of human rights contains a number of dialectical contradictions and controversial issues that are only complicated by the impact of objective social, economic, historical and cultural factors.

Theoretical Basis. Methods. In this study, dialectical, formal legal, sociological, statistical and hermeneutical methods are applied. The above methods are used in conjunction to obtain a synergistic effect.

Results. As a result of a comprehensive analysis of the modern theory of human rights, the main problems of this concept with reference to modernity were revealed, and real legal ways of solving them were proposed.

Discussion and Conclusion. This article, in contrast to other articles, related to it by subject and purpose, offers a comprehensive analysis of the theory of human rights in its modern form. The author takes into account the close relationship of the doctrine of human rights with the historical heritage, regional characteristics and objective factors of legal reality.

Keywords: human rights, concept, legal theory, political and legal practice, discrimination, violence, legal act, legislation

For citation: Kicha, M.V., 2019. Universalism of Human Rights: Myth or Reality? *Pravosudie = Justice*, 1(1), pp. 43–62. DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.1.43-62

Введение

Актуальность теории прав человека в наши дни не вызывает сомнений. Проведенный анализ использования данного понятия в литературе с помощью программы «Google Books Ngram Viewer» устанавливает небывалый рост частоты использования данного словосочетания в период с 1940-х гг. по настоящее время (рис. 1).

Анализ параболы частоты использования понятия «права человека» свидетельствует о взаимосвязанности пиков упоминания с геополитическими событиями и принимаемыми правовыми актами: Второй мировой войной (1939–1945); созданием Организации Объединенных Наций (1945); Нюрнбергским (1945–1946) и Токийским (1946–1948) процессами над нацистскими военными преступниками; социально-экономическими реформами и попытками реализовать концепцию «государства всеобщего благоденствия» в Великобритании (1945–1950-е); «Холодной войной» (1946 – конец 1980-х); арабо-израильским конфлик-

том (с 1947); вводом советских войск в Афганистан (1979–1986); распадом СССР (1991); внутрисполитическим конфликтом в Российской Федерации на базе конституционного кризиса (1993); терактами 9/11 и объявлением президентом Бушем-младшим «войны против терроризма» (2001); свержением режима Саддама Хусейна в Ираке (2003); образованием и деятельностью запрещенной в Российской Федерации международной террористической организации «ИГИЛ» (2006). Период после 2008 г. также богат на различные события – Арабская весна (2011), гражданская война в Сирии (2011–2016), борьба с международным терроризмом, политический кризис в Венесуэле (2019), государственный переворот в Судане (2019). Поэтому единообразное понимание прав человека крайне важно для дальнейшего развития юридической науки и правоприменительной практики.

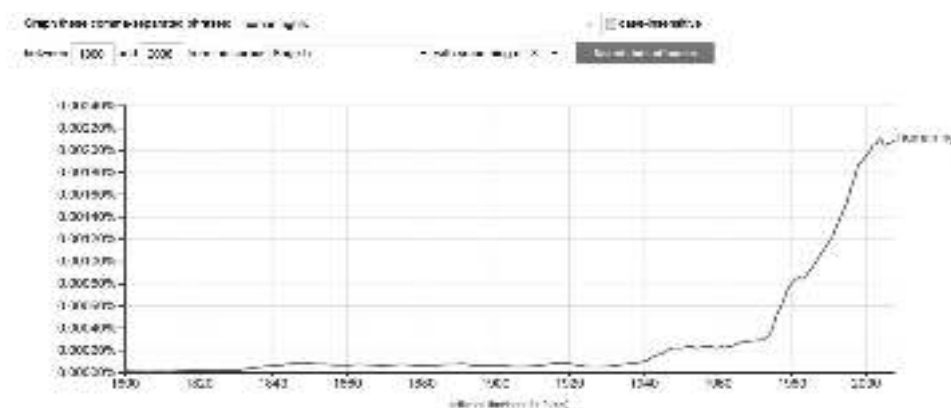

Рис. 1. Частота употребления в англоязычной литературе словосочетания «права человека» («human rights»)

Теоретической базой для развития исследуемой темы стали основные и новейшие публикации ряда зарубежных ученых. Однако никто из них не рассматривает проблему комплексно, каждый автор изучает определенный (иногда довольно узкий) аспект указанной тематики. Среди основных подобных исследовательских «срезов» выделяются следующие: права женщин (Ford, M., 2008; Cosentino, C., 2015), права ребенка (Barett, D., 2017; Tobin, J., 2009), права этноконфессиональных, сексуальных и иных меньшинств (Berry, S.E., 2011; Gilbert, J., 2007; McGoldrick, D., 2005). Некоторые авторы изучают особенности правозащитных механизмов в конкретных регионах либо правозащитную практику отдельных международных организаций (Bekker, G., 2013; Besson, S., 2006; Fabbrini, F., 2014; Milano, V., 2017).

Введение в научный оборот основных положений указанных публикаций может содействовать интеграции зарубежного правового опыта и теоретических разработок в отечественную юридическую науку.

В целом их проблематика охватывает теоретические основы доктрины прав человека, а также ее практическую реализацию с учетом международной и зарубежной судебной практики, актуальные статистические данные и особенности методологии, характерной для западной общественной науки. При этом в процессе исследования автор столкнулся с определенными трудностями, как то: большой объем исследуемого материала, его многоаспектность и необходимость увязать воедино не только сугубо юридические, но также исторические, социальные и иные факторы объективной реальности. Некоторые вопросы продолжают оставаться нерешенными, например разработка методологических рекомендаций для правоохранительных организаций и официальных органов, занимающихся защитой прав человека на региональном и международном уровнях.

Теоретические основы. Методы

Объект исследования представлен общественными отношениями, складывающимися в области прав человека.

Методология исследования обусловлена сложностью и многогранностью его объекта. *Диалектический метод исследования* позволил выявить противоречия и разночтения в формулировке и сущности отдельных прав человека. *С помощью формально-юридического метода исследования* проанализированы положения определенных нормативных правовых актов в области защиты прав человека. *Социологический метод* предоставляет возможность отследить, какое влияние на юридические нормы оказывают нормы неправовые (нормы обычаев, традиций, религиозные и др.). *Статистический метод* необходим для выявления актуальности темы исследования, выраженной в частоте использования идентичных общественных запросов. С этой целью использована программа «Google Books Ngram Viewer», которая насчитывает 8 млн изданий и производит анализ частоты применения языковых единиц на основе внесенных в нее англоязычных источников с XVIII в. по сегодняшний день. Различия в подходах к пониманию различных явлений и процессов обуславливают необходимость применения герменевтического метода исследования.

Результаты исследования

Политико-правовая реальность состоит в том, что права человека нарушаются в разных регионах земли. И если механизмы их соблюдения и защиты активно обсуждаются и совершенствуются, то в теории прав человека имеется ряд актуальных проблем и противоречий, которые влияют на фактическую реализацию доктринальных положений.

Первая проблема – отсутствие единого понимания прав человека (даже в рамках западной правовой культуры). Большинство из них

(право на жизнь, на личную неприкосновенность, на образование, на труд и другие) безоговорочно признается западным сообществом. Однако сущность и источники некоторых прав человека вызывают определенные споры. Так, в Декларации независимости США (1776) закреплено «право на стремление к счастью». При этом Декларация независимости представляет собой исторический документ. В американской Конституции 1878 г. отсутствует глава, посвященная правам человека, ибо, по мнению отцов-основателей, права человека закреплены в преамбуле. Ситуацию окончательно не прояснил даже Билль о правах 1791 г.

Например, в деле «Джейкобсон против Массачусетса»¹ (1905) Джейкобсон утверждал, что из преамбулы прямо вытекает его личное право на «блага свободы». Однако согласно решению Верховного суда по указанному делу, «хотя преамбула обозначает общие цели, ради достижения которых народ принял Конституцию, она никогда не считалась источником каких-либо конкретных полномочий, возложенных на правительство Соединенных Штатов или какой-либо из его департаментов».

Также имеют место разночтения в понимании сущности конкретных прав человека, наиболее заметные, когда речь идет о таких фундаментальных категориях, как право на жизнь. С одной стороны, все предельно просто: никто не может быть умышленно лишен жизни. С другой стороны, право одного субъекта всегда влечет за собой обязанность другого субъекта [Smet, S., 2017, p. 503]. Соответственно, провозглашая и закрепляя право на жизнь в нормативных правовых актах, государство возлагает на себя обязанности по социальному обеспечению граждан, эффективному расследованию убийств и иных насильственных преступлений, а также принятию мер, направленных на то, чтобы человеческая жизнь находилась вне опасности и поддерживалась на достойном социальном, экономическом и культурном уровне [Tiensuu, P., 2015]

Подтверждение актуальности и дискуссионности термина «право на жизнь» в настоящее время представлено на *рис. 2*.

Необходимо также отметить отсутствие единообразия в том, с какого момента признавать субъект носителем права. Так, в Американской конвенции о правах человека (Пакте Сан-Хосе) 1969 г. закреплено право на жизнь с момента зачатия². О том же гласит и Восьмая поправка к Конституции Ирландии, принятая по результатам референдума в 1983 г. Но достигим ли вообще баланс между запретом на прерывание

¹ Jacobson v. Massachusetts, 197 U.S. 11 (1905). URL: <http://bbbonline.org/about/press/2001/101701.asp> (дата обращения: 18.06.2019).

² American Convention on Human Rights: "Pact of San José, Costa Rica". Signed at San José, Costa Rica (1969). URL: http://www.oas.org/dil/treaties_B-32_American_Convention_on_Human_Rights.htm (дата обращения: 18.06.2019).

беременности и защитой прав женщин? Даже цивилизованному западному обществу не всегда удастся ответить на этот вопрос. В частности, в мае 2019 г. был установлен запрет аборт в штатах Алабама и Миссури практически при любых обстоятельствах, включая беременность в результате инцеста и изнасилования.

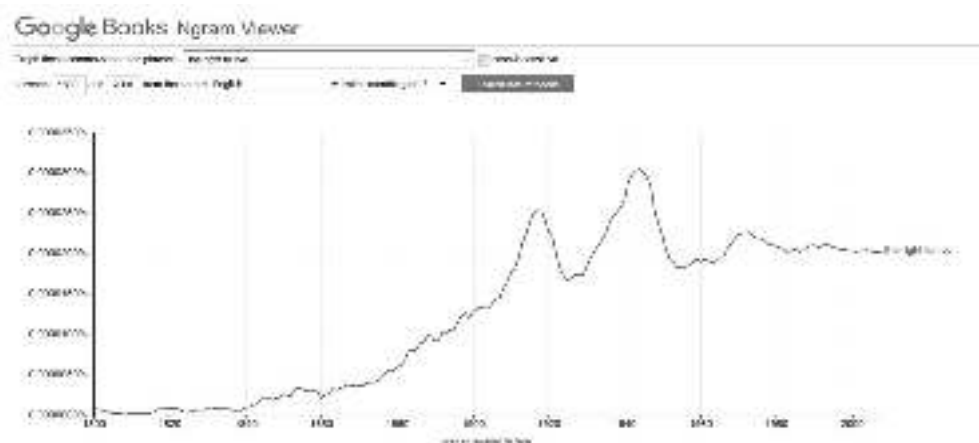

Рис. 2. Частота употребления в англоязычной литературе словосочетания «право на жизнь» («the right to live»)

Не будем забывать, что запрет умышленного убийства граничит и с таким понятием, как эвтаназия. При этом многие ученые считают право на аборт и эвтаназию неотъемлемым компонентом права на жизнь конкретного человека – женщины, старика либо больного, испытывающего невыносимые страдания от своего недуга [Cosentino, С., 2015, р. 587; Wicks, E., 2011, р. 557; Mégret, F., 2011, pp. 40–41]. Таким образом, право на жизнь неразрывно взаимосвязано как с некоторыми традиционными категориями (смертная казнь, эвтаназия и подобные), так и с рядом важных современных понятий (пролайф, абьюз, буллинг, харрасмент, эйд-жизм, репродуктивная свобода, репродуктивное насилие и др.). Иными словами, право на жизнь является наглядным примером того, насколько по-разному может восприниматься сущность и смысл прав человека как таковых, что впоследствии определяет и их реализацию.

Еще один немаловажный момент. В формулировках прав человека присутствуют некоторые неточности, которые дают простор вопросам и толкованиям. Например, запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания означает, что даже самый закоренелый преступник не может подвергаться подобным негуманным методам воздействия как со стороны государства в лице его органов и должностных лиц, так и со стороны отдельных людей [Greer, S., 2018, р. 298]. Иными словами, никто из нас не вправе никого пытать.

Однако что подразумевает право на охрану здоровья? Означает ли это, что каждый человек обязан финансировать медицинскую помощь для каждого человека на земле? Или оказывать эту помощь любому при необходимости (при условии, что далеко не все обладают надлежащими знаниями и навыками)? Как это работает? Обязанности государства по отношению к своим гражданам не ставятся под сомнение, но мы же говорим о правах человека вообще, в любой точке мира.

Другой пример: ст. 17 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими и никто не должен быть произвольно лишен своего имущества. При этом в доктрине прав человека отсутствует определение (или оправдание?) частной собственности. Значит ли это, что имущество собственника может быть конфисковано непроизвольно, в конкретных целях, пусть даже и благих – например, для реализации права на охрану здоровья? Должен ли один человек жертвовать чем-то ради блага другого? Теория прав человека не дает на них ответа. Ответ можно найти в политико-правовой практике, но действия правительств нередко вызывают критику правозащитников и обвинения в нарушении прав человека.

Заметим: при обсуждении прав человека используется термин «неотъемлемые». Неотъемлемость – характеристика свойства, означающая, что тот или иной предмет либо право не может быть оставлено или отнято кем-то другим. Тем не менее многие национальные законодательства допускают убийство в целях самообороны (при этом превышение пределов необходимой самообороны имеет место далеко не всегда). Во многих государствах существует смертная казнь – лишение жизни осужденного преступника в целях возмездия, общественной безопасности или предотвращения совершения новых преступлений. Большинство государств признает, что можно убивать врагов на войне. По всей видимости, это можно расценивать и как понятие самообороны. В любом случае на практике право на жизнь не является абсолютно и полностью неотъемлемым, т. е. не является универсальным. Тогда вопрос в другом: когда такое право может быть отчуждено, а когда – нет?

В случае самообороны и смертной казни можно прийти к следующему умозаключению: если человек действует определенным образом, то он теряет право на жизнь. Но не может ли это случиться с другими правами? Люди живут в обществе, и, следовательно, их права и обязанности взаимосвязаны. Но теоретически одни права человека представляются правами без обязанностей, в то время как другие выступают правами с взаимными обязанностями, которые соразмерны полученным правам.

Все мы знаем, что свобода индивида заканчивается там, где начинается свобода другого индивида. В таком случае не сводится ли доктрина прав человека к простой формуле: «услуга за услугу»? Человек, связанный обязанностями, имеет право совершать определенные дей-

ствия. Если он не справляется со своей ответственностью, то он отказывается от своих прав.

Вторая проблема – влияние на доктрину прав человека неправовых факторов (исторического наследия, традиций, религиозных норм, политико-правовых учений и идеологий).

Право не может существовать само по себе, в некоем культурно-информационном вакууме [Amos, M., 2015, p. 550]. Изначально оно формировалось под воздействием религии (например, каноническое право на Западе и законы шариата на мусульманском Востоке), традиций (королевское и феодальное право в Европе), а также новых политико-правовых воззрений (буржуазное право). Казалось бы, в процессе развития право (в целом) и теория прав человека (в частности) лишь совершенствуются. На самом деле истории присущ динамизм, и ее движение бывает не только прогрессивным, но и регрессивным. Например, на смену Ренессансу и эпохе Просвещения в XX в. пришел период тоталитаризма. Некоторые государства в принципе являются крайне консервативными и на протяжении веков отрицают любое модернизационное развитие.

Так, в исламе существует термин «бид'а», который обозначает любые нововведения в религиозной и социальной жизни, причем подобным новшествам изначально придается негативная, еретическая характеристика.

Несмотря на фундаментальный характер, концепция прав человека зависит от политико-правового и исторического контекста. У всех государств есть конституции, которые в той или иной степени соответствуют международным нормам. Эти конституции провозглашают политический плюрализм, равенство мужчин и женщин, недопустимость экономической эксплуатации людей, доступность образования, запрет на конфискацию частной собственности без соответствующего судебного решения и прочие общепринятые нормы естественно-правового происхождения. Более того, в этих конституциях декларируется главная цель – достижение социальной справедливости для граждан (подданных). Однако в реальности не во всех государствах можно признать безупречное соблюдение прав человека. И здесь вопрос даже не в том, как доктрина прав человека постулируется или реализуется, а в том, как она понимается, причем на понимание права накладывает отпечаток система ценностей, т. е. традиции, обычаи, религия и т. д.

Фактически речь идет о толковании и интерпретации теории прав человека, в результате чего появляется некий правовой гибрид. Эта гибридная концепция рождается в первую очередь на теоретическом уровне – ведь ее нужно разработать, объяснить и обосновать. Доктрина прав человека, рассчитанная на неограниченно широкий круг лиц, сужается до некоторого количества власть имущих, и члены традиционного общества, привыкшие к жесткой социальной стратификации, воспринимают это как незыблемый миропорядок. Впоследствии, как

отмечается в литературе, подобные гибридные теории так или иначе подрывают легитимность власти, препятствуют эффективному отправлению правосудия, а также мешают государству адекватно реагировать на конфликты и исторические вызовы – что подтверждают, например, исследования филиппинской шариатской системы [Deinla, I., 2019].

Не следует забывать, что концепция прав человека в своем нынешнем виде оформилась не так давно. Менее 200 лет назад идея о всеобщем равенстве людей, независимо от их пола, цвета кожи, языка, вероисповедания, происхождения, рода деятельности и иных факторов, казалась абсурдной, если не опасной.

Так, последнюю ведьму в Европе казнили в 1782 г., и не где-то в глухой румынской деревне, а в просвещенной Швейцарии. Крепостное право в Российской империи было отменено лишь в 1861 г., рабство в США – в 1865 г. При этом исторически отмена рабства и крепостной зависимости продиктованы были не соображениями гуманизма, а суровыми экономическими реалиями и низкой эффективностью принудительного труда. Законы о расовой сегрегации (так называемые «законы Джима Кроу») в Соединенных Штатах действовали вплоть до середины 1960-х гг.

Провозглашать равенство людей и права человека можно сколько угодно и всеми возможными способами, но далеко не все члены социума готовы принять подобные идеи и согласиться с ними. Во многом это происходит из-за того, что, несмотря на глобализационные процессы, традиции по-прежнему сильны. Впрочем, когда речь заходит о традиционных ценностях, не следует забывать, что к ним относятся рабство, крепостное право, принудительный труд, смертная казнь, бесправие женщин, угнетение мужчин, практически полное отсутствие социальных лифтов и социальной мобильности, а также множество иных условий и обстоятельств, реставрация которых вряд ли понравится самим поклонникам традиционализма.

Если говорить о политико-правовых идеологиях, то наиболее актуально сейчас назвать радикальный исламизм. Исламисты обвиняют Запад в окончании «Золотого века ислама» и упадке классической мусульманской цивилизации, поэтому неудивительно, что созданная западными учеными концепция прав человека критикуется и отвергается. При этом классическое мусульманское учение о правах человека толкуется целесообразно политической и идеологической конъюнктуре [Shah, N.A., 2011, p. 200].

К другим идеологиям, оказавшим в Новейшее время влияние на теорию прав человека, можно отнести коммунизм, национал-социализм и фашизм. Но в тоталитарных идеологиях акцент ставится не на нужды отдельной личности, а на интересы и потребности всего общества, при этом человек представляет некую ценность не как индивид, а как часть некоей социальной группы (трудового коллектива, военного отряда и прочих). В этом аспекте тоталитарные идеологии напоминают

первобытно-общинные практики стран экваториальной Африки и Океании, где человек рассматривается как составной элемент рода, клана либо племени. Абстрактные юридические категории отнюдь не всегда опциональны. Иными словами, понимание прав человека прямо связано с конкретным регионом земного шара, а также с особенностями местной правовой культуры.

Завершим анализ данной проблемы некоторыми наиболее показательными примерами, которые, в частности, свидетельствуют и о том, что восприятие доктрины прав человека и их осуществление не всегда обусловлены уровнем социально-экономического развития того или иного региона.

1. *Ирландская Республика* является единственным членом Европейского Союза, где отсутствуют законы для официального признания трансгендеров. Пытаясь привести свое законодательство в соответствие с законодательством остальных стран континента, Дублин подготовил весьма спорный законопроект. По мере того, как он создавался, ни с одной ирландской трансгендерной организацией не велись консультации и даже не передавалась им информация об этом. Ирландское законодательство признает изменение регистрации пола только у лиц старше 18 лет и обязывает гражданина (гражданку) развестись со своей супругой (своим супругом) до того, как его (ее) истинный пол будет юридически признан. Этим объясняется высокий уровень самоубийств и попыток суицида среди ирландских трансгендеров: по некоторым сведениям, он достигает 80 процентов [Theilen, J.T., 2014, p. 329].

2. *Филиппины* – единственная страна в мире, где запрещен развод по добровольному согласию супругов. Главным препятствием для легализации разводов является сильное влияние католической церкви. Брак может быть аннулирован только в том случае, если психиатрическая экспертиза признает одного из партнеров «психически недееспособным» настолько, что тот не может выполнять свои брачные обязанности (преимущественно финансовые и сексуальные). При этом «психически недееспособное» лицо считается интеллектуально и физически неполноценным. Таким образом, итоги экспертизы мешают разведенным филиппинцам найти работу и устроить свою дальнейшую жизнь.

3. *Израиль* с 2013 г. отказывается предоставлять в Совет по правам человека Организации Объединенных Наций универсальный периодический обзор по правам человека. Данный обзор представляет собой отчет конкретного государства о ситуации в области защиты прав человека и имеет своей целью улучшение прав человека на международном уровне. После отказа Израиль подвергся жесткой критике со стороны ряда мусульманских государств, включая Египет, Тунис и Пакистан.

4. *США* – единственное государство с высокими показателями ВВП, которое не оплачивает матерям декретный отпуск. Помимо США эта практика имеет место в Папуа – Новой Гвинее, Свазиленде, Либерии и Лесото. Согласно ст. 25 Всеобщей декларации прав человека материн-

ство и младенчество дают право на особое попечение и помощь, что в дальнейшем способствует снижению детской смертности и увеличению потенциального дохода женщин в долгосрочной перспективе. Однако в последний раз в Америке предпринимались шаги по улучшению ситуации при президенте Билле Клинтоне. С тех пор американские матери имеют право лишь на 12 недель неоплачиваемого отпуска. Только 11 процентов работниц, задействованных на предприятиях частного сектора, получают оплачиваемый декретный отпуск в среднем около семи недель [Ford, M., 2008, p. 175].

5. *Иран* является единственным государством на земле, где узаконена торговля человеческими органами.

6. *Мавритания* остается единственным государством на земле, где широко распространено рабство. Мавританское правительство запретило рабовладение, работорговлю и принудительный труд лишь в 2007 г. Тем не менее с тех пор в Мавритании был осужден только один рабовладелец. На данный момент в рабстве находятся 10–20 процентов мавританцев, что составляет до 680 000 человек. В мавританском рабстве присутствует элемент расизма: обычно люди с более темной кожей принадлежат светлокожим. Зарубежных журналистов и правозащитников, которые пытаются освещать эту проблему, депортируют из страны или препятствуют их профессиональной деятельности [Obokata, T., 2012, p. 607].

Третья проблема – неразрывная связь теории прав человека не только с традиционными локальными представлениями о правопорядке, но и с глобальными проблемами человечества. Среди них:

1. *Терроризм.* Сегодня проблема терроризма стоит наиболее остро. Террористы нарушают права человека на жизнь и безопасность. В этом и заключается сущность терроризма [Grear, A., 2007, p. 515]. Согласно международно-правовым нормам защита прав человека должна быть направлена на то, чтобы предпринять эффективные усилия по борьбе с терроризмом и поддерживать верховенство закона в обществе [Besson, S., 2006, p. 327].

Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г. санкционирует принятие жестких мер против всех террористических действий, совершаемых на территории государств-участников. Аналогичным образом Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом рассматривает терроризм как незаконный акт и тяжкое преступление против человечества [Fabbrini, F., 2014, p. 90].

2. *Торговля людьми.* Торговля людьми является вторым по актуальности и одним из самых масштабных преступлений в мире, фактически порождая современное рабство. Кроме того, «живой товар» используется при совершении иных противоправных деяний: проституции, мошенничества, незаконного оборота наркотиков и оружия [Londono, P.,

2009, pp. 659–660]. Торговля людьми характерна не только для стран третьего мира, но и для вполне развитых и экономически благополучных государств. Так, по данным Белого дома, каждый год из США (особенно из штата Иллинойс) незаконно вывозится от 15 000 до 18 000 иностранных граждан, чаще всего являющихся незаконными мигрантами из бедных семей. Однако следует отметить, что торговля людьми распространена повсеместно, и ее жертвой может стать любой наивный или невежественный человек, включая иностранных туристов и паломников [Milano, V., 2017, p. 703].

3. *Инфантицид (детоубийство)*. Инфантицид является одной из наиболее серьезных проблем нарушения прав человека. Она приобрела огромный размах в Южной Америке, Африке, Азии и Океании. Практика инфантицида характерна для регионов, где широко распространены гендерные предубеждения. Таким образом, гендерно-селективное детоубийство глубоко укоренилось во многих странах мира, включая Индию, Китай, Австралию, Папуа – Новую Гвинею, Южную Корею, Афганистан, Бангладеш, Пакистан, Тайвань, Армению и Албанию [Tobin, J., 2009, p. 380].

4. *Жестокое обращение с детьми*. Жестокое обращение с детьми является одной из наихудших форм нарушения прав человека, распространенной по всему миру. Оно может принимать различные формы: детский труд, сексуальное насилие, порнография и проституция, привлечение к незаконному обороту наркотиков и вооруженным конфликтам и т. д. Исследования показывают, что большинство детей, которые подвергаются жестокому обращению, принадлежит к малоимущим и социально незащищенным слоям общества [Barrett, D., 2017, p. 206].

5. *Гендерная дискриминация*. Дискриминация и насилие в отношении женщин – это общая проблема, которая существует повсеместно. Она имеет самые различные формы: семейное насилие, изнасилование, инфибуляция и многие другие. В соответствующих исследованиях утверждается, что по крайней мере одна из трех женщин хотя бы раз в жизни подвергается жестокому обращению, причем это относится не к конкретному региону, а ко всему миру [Eekelaar, J., 2002, p. 183].

6. *Дискриминация и насилие в отношении инвалидов*. Около 10 процентов людей в мире, по статистике, являются инвалидами – это примерно 600 млн человек. Кроме того, более 67 процентов проживают в развивающихся и слаборазвитых странах. Эти данные показывают, насколько тесно связаны инвалидность и низкий уровень жизни. Инвалидам приходится сталкиваться с многочисленными проблемами, включая социальную изоляцию, отсутствие надлежащей медицинской помощи, образования, работы и т. д., что нарушает фундаментальные права человека [Favalli, S., 2018, p. 518].

7. *Синдром приобретенного иммунодефицита (СПИД)*. СПИД считается одним из самых смертоносных инфекционных заболеваний, угрожающих миру на протяжении последних 30 лет. Люди, зараженные СПИДом, сталкиваются с серьезными нарушениями своих прав. Во-первых, это социальное неприятие и дискриминация, поскольку СПИД считается болезнью наркоманов, проституток и прочих асоциальных личностей. Во-вторых, больные СПИДом оказываются в изоляции от общества: значительная часть населения все еще боится этой болезни и предпочитает держаться подальше от инфицированных, несмотря на многочисленные кампании по повышению осведомленности о СПИДе, проводимые различными организациями во всем мире.

8. *Дискриминация и насилие в отношении людей на основе их гендерной идентичности и сексуальной ориентации*. Дискриминация и насилие в отношении людей на основе их гендерной идентичности и сексуальной ориентации является одной из основных проблем, привлекающих внимание правозащитных организаций во всем мире [Gerber, P. and Gory, J., 2014, pp. 413–414]. Те, кто идентифицирует себя как гомосексуалисты, бисексуалы или трансгендеры, как правило, не достигают общественного признания и страдают от серьезных нарушений прав человека: сексуального насилия, пыток, унижения, внесудебных убийств, жестокого обращения, произвольных задержаний правоохранительными органами, отказа в получении образования, трудностей при трудоустройстве и т. д. В странах Ближнего и Среднего Востока иметь какую-либо иную сексуальную ориентацию, кроме социально одобренной, считается уголовно наказуемым преступлением [McGolfrick D., 2016, pp. 615–618].

9. *Дискриминация и насилие в отношении заключенных*. «Заключенных отправляют в тюрьму в качестве наказания, а не для наказания», – справедливо отметил британский тюремный комиссар Александр Паттерсон [O'Donovan, R., 2018, p. 322]. В заявлении акцентируется внимание на проблеме нарушений прав человека в многочисленных местах заключения по всему миру. Заключенные подвергаются не только физическим пыткам, но и психологическому истязанию. Особенно наглядно это проявляется по отношению к военнопленным и лицам, подозреваемым в совершении преступлений. Например, в иракской тюрьме Абу-Грейб и лагере в Гуантанамо, согласно сообщениям США, имели место массовые нарушения прав человека.

10. *Нелегальная миграция*. Нередко органы правопорядка в разных странах нарушают права человека при задержании нелегальных мигрантов. Например, задержанным не сообщают причину и сроки их задержания, не обеспечивают доступ к качественной медицинской помощи, не позволяют связаться с родственниками и правозащитными организациями [McGolfrick D., 2005, pp. 28–29].

11. *Незаконный захват земли.* Термин «захват земли» означает незаконное изъятие частных сельскохозяйственных угодий с последующей сдачей в аренду или продажей иностранным инвесторам. Преступление совершается без информирования и согласия землевладельца. Такой вид преступлений особенно активно практикуется в африканских странах, причем противозаконная деятельность осуществляется правительствами различных государств. [Bekker, G., 2013, p. 525]. Доходы от продажи земель поступают чиновникам. Таким образом, бывшие собственники лишаются своих участков, выращиваемых на них продуктов питания и любых финансовых средств, а также вытесняются либо выселяются в принудительном порядке из исторических регионов своего проживания [Kanosue, Y., 2015, pp. 643–645].

12. *Расизм.* Теория и практика расизма несовместима с современностью, когда людям приходится сообща бороться с глобальными проблемами. Дискриминация по национальному, этноконфессиональному и культурному признакам равносильна расизму и также влечет за собой нарушение прав человека [Kuhn, P.Y., 2019, p. 121]. Проявления расизма имеют место во всех сферах социума и на разных уровнях общественной жизни. Мировоззрение, согласно которому одна раса/нация/религия выше и лучше всех остальных, сопряжено с конфликтами, которым неизменно сопутствует нарушение прав человека [Berry S.E., 2011, pp. 423–424]. С одной стороны, расизм процветает в обществах с низким уровнем терпимости к другим этническим группам. С другой – в западной политико-правовой практике понятие толерантности нередко искажается и может привести к нарушению прав коренных жителей либо граждан того или иного государства [Maitra, I. and McGowan, M.K., 2015, pp. 347–348].

13. *Изменение климата и глобальное потепление.* На первый взгляд связь между изменением климата и правами человека кажется надуманной. Однако более глубокое исследование показывает, что они тесно взаимосвязаны. Изменение климата действительно является серьезной экологической проблемой, которая препятствует соблюдению прав человека. Управление Верховного комиссара по правам человека усматривает взаимосвязь между поведением маргинальных (околокриминальных) групп и погодными перепадами. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г. направлена на координацию национальной и международной политики в области изменения климата и защиты прав человека. К тому же экстремальные климатические изменения могут вызвать нехватку воды и продовольствия, засуху, повышенную температуру, пожароопасную ситуацию, эпидемию, эпизоотию и прочие катаклизмы, при которых люди теряют свое имущество и средства к существованию [Gilbert, J., 2007, p. 688]. Помимо того, стихийные бедствия, такие как ураганы, цунами, землетрясения и наводнения, приводят к смерти, инвалидности и уничтожению недвижимости.

Обсуждение и заключение

Проведя комплексное исследование теории прав человека, мы выявили главные проблемы:

- 1) отсутствие единого понимания прав человека (даже в рамках западной правовой культуры);
- 2) влияние на доктрину прав человека неправовых факторов;
- 3) неразрывная связь теории прав человека не только с традиционными локальными представлениями о правопорядке, но и с глобальными проблемами человечества.

В целях решения указанных проблем рекомендуется более четко формулировать права человека, внести уточнения в соответствующие нормативные правовые акты, а также снабдить данные акты официальными комментариями, исключающими возможность превратного их толкования на основе соображений политической либо иной целесообразности.

Список использованной литературы

- Amos M. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998 // Human Rights Law Review. 2015. Vol. 15, issue 3. P. 549–568.
- Barett D. International Child Rights Mechanisms and the Death Penalty for Drug Offences // Human Rights Law Review. 2017. Vol. 17, issue 2. P. 205–229.
- Bekker G. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13, issue 3. P. 499–528.
- Berry S.E. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square Peg in a Round Hole? // Human Rights Law Review. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 423–450.
- Besson S. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? // Human Rights Law Review. 2006. Vol. 6, issue 2. P. 323–360.
- Cosentino C. Safe and Legal Abortion: An Emerging Human Right? The Long-lasting Dispute with State Sovereignty in ECHR Jurisprudence // Human Rights Law Review. 2015. Vol. 15, issue 3. P. 569–589.
- Deinla I. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro // Law and Policy. 2019. Vol. 41, issue 2. P. 198–219.
- Eekelaar J. Personal Rights and Human Rights // Human Rights Law Review. 2002. Vol. 2, issue 2. P. 181–197.

Fabbrini F. The European Court of Human Rights, Extraordinary Renditions and the Right to the Truth: Ensuring Accountability for Gross Human Rights Violations Committed in the Fight Against Terrorism // *Human Rights Law Review*. 2014. Vol. 14, issue 1. P. 85–106.

Favalli S. The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the Case Law of the European Court of Human Rights and in the Council of Europe Disability Strategy 2017–2023: ‘from Zero to Hero’ // *Human Rights Law Review*. 2018. Vol. 18, issue 3. P. 517–538.

Ford M. *Evans v United Kingdom*: What Implications for the Jurisprudence of Pregnancy? // *Human Rights Law Review*. 2008. Vol. 8, issue 1. P. 171–184.

Gerber P., Gory J. The UN Human Rights Committee and LGBT Rights: What is it Doing? What Could it be Doing? // *Human Rights Law Review*. 2014. Vol. 14, issue 3. P. 403–439.

Gilbert J. Nomadic Territories: A Human Rights Approach to Nomadic Peoples’ Land Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7, issue 4. P. 681–716.

Grear A. Challenging Corporate ‘Humanity’: Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2007. Vol. 7, issue 3. P. 511–543.

Greer S. Is the Prohibition against Torture, Cruel, Inhuman and Degrading Treatment Really ‘Absolute’ in International Human Rights Law? A Reply to Graffin and Mavronicola // *Human Rights Law Review*. 2018. Vol. 18, issue 2. P. 297–307.

Kanosue Y. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities // *Human Rights Law Review*. 2015. Vol. 15, issue 4. P. 643–667.

Kuhn P.Y. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2019. Vol. 19, issue 1. P. 119–147.

Londono P. Developing Human Rights Principles in Cases of Gender-based Violence: *Opuz v Turkey* in the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2009. Vol. 9, issue 4. P. 657–667.

Maitra I., McGowan M.K. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle // *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*. 2010. Vol. 23, issue 2. P. 343–372.

Mégret F. The Human Rights of Older Persons: A Growing Challenge. *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 1. P. 37–66. URL: <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngq050>

Milano V. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of *L.E. v Greece*: A Disturbing Setback? // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 4. P. 701–727.

McGoldrick D. Multiculturalism and its Discontents // *Human Rights Law Review*. 2005. Vol. 5, issue 1. P. 27–56.

McGoldrick D. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law // *Human Rights Law Review*. 2016. Vol. 16, issue 4. P. 613–668.

Shah N.A. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 1. P. 200–203.

O'Donovan R. *Irish Rebels in English Prisons: A Record of Prison Life*. London: Forgotten Books, 2018. 368 p.

Obokata T. Anne Gallagher, the International Law of Human Trafficking // *Human Rights Law Review*. 2012. Vol. 12, issue 3. P. 606–608.

Smet S. On the Existence and Nature of Conflicts Between Human Rights at the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2017. Vol. 17, issue 3. P. 499–521.

Theilen J.T. Depathologisation of Transgenderism and International Human Rights Law // *Human Rights Law Review*. 2014. Vol. 14, issue 2. P. 327–342.

Tiensuu P. Whose Right to What Life? Assisted Suicide and the Right to Life as a Fundamental Right // *Human Rights Law Review*. 2015. Vol. 15, issue 2. P. 251–281.

Tobin J. The International Obligation to Abolish Traditional Practices Harmful to Children's Health: What Does It Mean and Require of States? // *Human Rights Law Review*. 2009. Vol. 9, issue 3. P. 373–396.

Wicks E. A, B, C v Ireland: Abortion Law under the European Convention on Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2011. Vol. 11, issue 3. P. 556–566.

References

Amos, M., 2015. The Second Division in Human Rights Adjudication: Social Rights Claims under the Human Rights Act 1998. *Human Rights Law Review*, 15(3), pp. 549–568. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngv015>>. (In Eng.)

Barett, D. 2017. International Child Rights Mechanisms and the Death Penalty for Drug Offences. *Human Rights Law Review*, 17(2), pp. 205–229. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngx005>>. (In Eng.)

Bekker, G., 2013. The African Commission on Human and Peoples' Rights and Remedies for Human Rights Violations. *Human Rights Law*

Justice. Vol. 1, no. 1. 2019

Review, 13(3), pp. 499–528. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt019>>. (In Eng.)

Berry, S.E., 2011. Bringing Muslim Minorities within the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination – Square Peg in a Round Hole? *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 423–450. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr014>>. (In Eng.)

Besson, S., 2006. The European Union and Human Rights: Towards A Post-National Human Rights Institution? *Human Rights Law Review*, 6(2), pp. 323–360. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngl001>>. (In Eng.)

Cosentino, C., 2015. Safe and Legal Abortion: An Emerging Human Right? The Long-lasting Dispute with State Sovereignty in ECHR Jurisprudence. *Human Rights Law Review*, 15(3), pp. 569–589. Available at: <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngv013>>. (In Eng.)

Deinla, I., 2019. Legal Hybridity, Trust, and the Legitimacy of the Shari'ah in the Bangsamoro. *Law and Policy*, 41(2), pp. 198–219. Available at: <<https://doi.org/10.1111/lapo.12123>>. (In Eng.)

Eekelaar, J., 2002. Personal Rights and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 2(2), pp. 181–197. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/2.2.181>>. (In Eng.)

Fabbrini, F., 2014. The European Court of Human Rights, Extraordinary Renditions and the Right to the Truth: Ensuring Accountability for Gross Human Rights Violations Committed in the Fight Against Terrorism. *Human Rights Law Review*, 14(1), pp. 85–106. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt017>>. (In Eng.)

Favalli, S., 2018. The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities in the Case Law of the European Court of Human Rights and in the Council of Europe Disability Strategy 2017–2023: 'from Zero to Hero'. *Human Rights Law Review*, 18(3), pp. 517–538. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngy026>>. (In Eng.)

Ford, M., 2008. Evans v United Kingdom: What Implications for the Jurisprudence of Pregnancy? *Human Rights Law Review*, 8(1), pp. 171–184. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngm041>>. (In Eng.)

Gerber, P. and Gory, J., 2014. The UN Human Rights Committee and LGBT Rights: What is it Doing? What Could it be Doing? *Human Rights Law Review*, 14(3), pp. 403–439. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngu019>>. (In Eng.)

Gilbert, J., 2007. Nomadic Territories: A Human Rights Approach to Nomadic Peoples' Land Rights. *Human Rights Law Review*, 7(4), pp. 681–716. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngm030>>. (In Eng.)

- Grear, A., 2007. Challenging Corporate 'Humanity': Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights. *Human Rights Law Review*, 7(3), pp. 511–543. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngm013>>. (In Eng.)
- Greer, S., 2018. Is the Prohibition against Torture, Cruel, Inhuman and Degrading Treatment Really 'Absolute' in International Human Rights Law? A Reply to Graffin and Mavronicola. *Human Rights Law Review*, 18(2), pp. 297–307. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngy013>>. (In Eng.)
- Kanosue, Y., 2015. When Land is Taken Away: States Obligations under International Human Rights Law Concerning Large-Scale Projects Impacting Local Communities. *Human Rights Law Review*, 15(4), pp. 643–667. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngv026>>. (In Eng.)
- Kuhn, P.Y., 2019. Reforming the Approach to Racial and Religious Hate Speech Under Article 10 of the European Convention on Human Rights. *Human Rights Law Review*, 19(1), pp. 119–147. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngz001>>. (In Eng.)
- Londono, P., 2009. Developing Human Rights Principles in Cases of Gender-based Violence: Opuz v Turkey in the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 9(4), pp. 657–667. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngp022>>. (In Eng.)
- Maitra, I. and McGowan, M.K., 2010. On Racist Hate Speech and the Scope of a Free Speech Principle. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 23(2), pp. 343–372. (In Eng.)
- Mégret, F., 2011. The Human Rights of Older Persons: A Growing Challenge. *Human Rights Law Review*, 11(1), pp. 37–66. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngq050>>. (In Eng.)
- Milano, V., 2017. The European Court of Human Rights' Case Law on Human Trafficking in Light of L.E. v Greece: A Disturbing Setback? *Human Rights Law Review*, 17(4), pp. 701–727. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngx031>>. (In Eng.)
- McGoldrick, D., 2005. Multiculturalism and its Discontents. *Human Rights Law Review*, 5(1), pp. 27–56. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlrev/ngi002>>. (In Eng.)
- McGoldrick, D., 2016. The Development and Status of Sexual Orientation Discrimination under International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*, 16(4), pp. 613–668. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngw030>>. (In Eng.)
- Shah N.A., 2011. Abdulaziz Sachedina, Islam and the Challenge of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 11(1), pp. 200–203. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngq048>>. (In Eng.)

O'Donovan, R., 2018. *Irish Rebels in English Prisons: A Record of Prison Life*. London: Forgotten Books. (In Eng.)

Obokata, T., 2012. Anne Gallagher, The International Law of Human Trafficking. *Human Rights Law Review*, 12(3), pp. 606–608. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngs006>>. (In Eng.)

Smet, S., 2017. On the Existence and Nature of Conflicts between Human Rights at the European Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 17(3), pp. 499–521. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngx016>>. (In Eng.)

Theilen, J.T., 2014. Depathologisation of Transgenderism and International Human Rights Law. *Human Rights Law Review*, 14(2), pp. 327–342. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngu010>>. (In Eng.)

Tiensuu, P., 2015. Whose Right to What Life? Assisted Suicide and the Right to Life as a Fundamental Right. *Human Rights Law Review*, 15(2), pp. 251–281. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngv006>>. (In Eng.)

Tobin, J., 2009. The International Obligation to Abolish Traditional Practices Harmful to Children's Health: What Does It Mean and Require of States? *Human Rights Law Review*, 9(3), pp. 373–396. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngp015>>. (In Eng.)

Wicks, E., 2011. A, B, C v Ireland: Abortion Law under the European Convention on Human Rights. *Human Rights Law Review*, 11(3), pp. 556–566. Available at: <<https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr015>>. (In Eng.)

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность редакции журнала Российского государственного университета правосудия за возможность опубликовать результаты исследования.

Информация об авторе / Information about the author

Кича Мария Вячеславовна, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66), кандидат юридических наук [Maria V. Kicha, Senior Lecturer of Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch, Russian State University of Justice (66 Lenina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia), Cand. Sci. (Law)]. E-mail: kichamv@mail.ru